

A37105
9(c2)
A 743

ИГОРЬ ЯНЦЫШКИН

ЕВРЕИ

НА ДИКОПОЛЬЩИНЕ

Содержание

1. Со времен казацких	3
2. Жизнь еврейской общины	6
3. Еврейские таланты Никополя	16
4. Вихри первой революции	30
5. Купцы, ремесленники и солдаты	37
6. Буря Гражданской войны	51
7. Затишье: евреи в 1920-х годах	70
8. Начало репрессий	76
9. Создание Сталиндорфского района	80
10. Аресты и ссылки 1930-х годов	90
11. Начало войны и антисимитизм	95
12. Никопольский холокост	98
13. Евреи-освободители	107
14. Последствия войны	112

Гросман Х. Н. Евреи в истории Никополя

Глава 1. Династии никопольских евреев	119
Глава 2. Их помнит мир спасенный	121
Глава 3. Никопольчанки – участницы Гражданской и Великой Отечественной войн	132
Глава 4. Никопольчане-труженики	133
Глава 5. Спортсмены	139
Глава 6. Мужественные вдовы	140
Глава 7. Память	141
Глава 8. Община	145

Фельдман О. А. Осип, он же Остап 148

Жертвы нацистов (таблица) 160

Фельдман О. А.

Осип Шор

Осип, он же Остап

*Осип Шор –
прототип Остапа Бендера*

Легендарный Остап Бендер – фигура вовсе не вымышленная! В Никополе уже никого не удивишь информацией о том, что прототипом создания этого колоритного образа Ильфу и Петрову послужил Осип Беньяминович Шор – никопольчанин по рождению. Больше того, в день рождения Осипа Шора (30 мая) в г. Никополе несколько лет отмечали уникальный праздник – День авантюриста.

Прототип или прототипы?

Как пишет электронная библиотека «Одессика», по мере работы над романом Остап обретал черты друзей,

знакомых, земляков Ильфа и Петрова, да и их самих.

Так, фамилию Бендер с юности знал Ильф, поскольку рядом с его домом на легендарной Малой Арнаутской улице, где, как утверждал Остап, делается вся контрабанда, располагалась «Мясоторговля Бендера», а частые обращения к ариям из классического оперного репертуара главный персонаж романа «унаследовал» от музыкально одаренного Петрова. «Странное соединение «Остап» и «Бендер» могло родиться как воспоминание о широко рекламируемой на юге России в начале века фирме «Тарас Бендер и сыновья», торговавшей унитазами и умывальниками...» – опишет в своей книге «Товарищ Смех» Д. Молдавский.

Употребляемые Остапом бухгалтерские термины были знакомы Ильфу по работе в финансово-счетном отделе одесского Опродкомгуба. Неожиданные познания Бендера по части милицейских протоколов, которые он демонстрирует после счастливого бегства из несостоявшейся шахматной столицы Васюки – «Оба тела лежат ногами к юго-востоку», заставляют вспомнить, что когда-то в Одессе Петров небезуспешно служил в уголовном розыске. Представляющаяся сегодня забавной, но не такая уж редкая среди жителей старой Одессы подробность биографии «мой папа был турецко-подданный», скорее всего, восходит к одному из родственников Ильфа. А воспоминания о частной гимназии Илиади, в которой им были намертво вызубрены латинские исключения «пуэр, сопер, веспер», Бендер мог «перенять» у друга Ильфа, писателя Льва Исаевича Славина, окончившего сие достопочтенное учебное заведение.

Оборотистость Остапа – от бойкого одесского «литературного мальчика» Мити Ширмахера, который подписывал свои стишки незатейливым псевдонимом Дмитрий Агатов, но более был известен тем, что в 1920 году нахрапом заполучил в центре города роскошную квартиру с просторным залом и роялем «Стейнвей» для собраний литературного кружка «Коллектив поэтов», куда хаживал Ильф. Некоторым авантюризмом и твердостью характера Бендер, думаю, «обязан» приятелю юности Ильфа Сене Товбину, от взгляда которого, по словам самого Ильфа, «холодела спина». Очутившись после 1917 года во Франции, он оказался замешанным в такой крупной афере с ценными бумагами, что она попала во все тамошние газеты. А Ильф мог узнать об этом из писем брата-художника, подписывавшего свои работы псевдонимом Сандро Фазини, который жительствовавший в Париже и погиб в фашистском концлагере.

При таком обилии людей, чем-нибудь да «поделившихся» с Остапом, однозначно говорить о прототипе трудно. Но как бы ни было, а жирную точку в спорах о прототипах Бендера поставил спустя четыре десятилетия после появления гениальных ильфопетровских произведений брат Петрова, писатель Валентин Катаев. В книге мемуаров «Алмазный мой венец», вышедшей в 1978 году, он совершенно конкретно указал на Шора как на прототипа Бендера:

«Остап Бендер написан с одного из наших одесских друзей. Он был старшим братом одного замечательного поэта-футуриста... Брат футуриста был Остап, внешность которого авторы сохранили в своем романе почти в полной неприкосновенности: атлетическое сложение и романтический, чисто черноморский характер. Он не имел никакого отношения к литературе и служил в уголовном розыске по борьбе с бандитизмом, принявшим угрожающие размеры...». Остается добавить, что брат Осипа футурист Натан (писавший под псевдонимом Анатолий Фиолетов) принадлежал к тому же кругу, что и Ильф, Петров и Катаев.

По словам авторов «12 стульев» и «Золотого тельца» Ильфа и Петрова, сюжет о спрятанных в стуле драгоценностях и идею соавторства им предложил сам Валентин Катаев. По его плану работать надлежало троим: Ильф с Петровым пишут роман «начерно», Катаев правит рукою мастера и на обложку выносятся три фамилии. Но когда «литературные негры» показали Катаеву первую главу своего романа, тот отказался от соавторства, заявив, что рука мастера им не нужна (кстати, впоследствии коллеги посвятили ему свое детище). После чего соавторы продолжили писать вдвоем – днем и ночью, азартно, запойно, не щадя себя...

Никопольский след

Согласно метрической записи, выданной никопольским общественным раввином и заверенной городским упрощенным управлением, Осип родился в г. Никополе в 1899 году, 30 мая, в семье брацлавского купца 2-й гильдии Бенямина Хаимовича Шора и его жены Куни (Екатерины Бергер, дочери одесского банкира) и был у них вторым ребенком.

Свидетельство

Дано сие от меня, Никопольскаго общественного Раввина, в том, что в метрической книге о родившихся евреях по м. Никополу Екатеринославскаго уезда и губернии за 1899-ый год, под № 41-м записан акт следующего содержания:

Тысяча восемьсот девяносто девятого года мая 30-го дня, у Брацлавского 2-ой гильдии купеческого сына Беньямина Хаимовича Шора и жены его Куни родился сын Осип.

Заявление

Господину Директору Петроградскаго Института (от) окончившаго 8 классов Одесской частной гимназии И.Р. Раппопорта, Осипа Беньяминовича Шора, проживающего в г. Одессе по ул. Полтавской победы в д. №78, кв. 26

Желяя получить высшее техническое образование в вверенном Вам Институте, прошу допустить меня, Шора, к конкурсным испытаниям, чтобы, в случае успешного выдержания, быть зачисленным на I-ый семестр механическаго отделения.

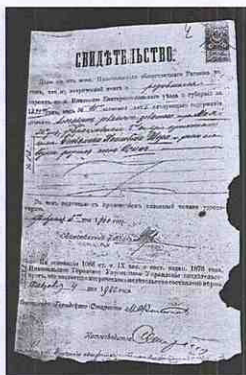
Прилагаю при сем следующие документы в нотариальных и собственноручных копиях:

1. Свидетельство об окончании Одесской частной мужской гимназии И.Р. Раппопорта, выданное Одесским учебным округом за № 16560/4461

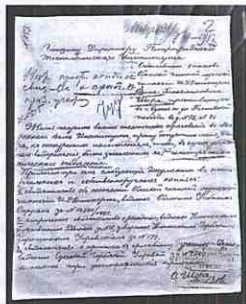
2. Метрическое свидетельство о рождении, выданное Никопольским Городским Упрощенным Управлением за № 199

3. Свидетельство о приписке к призывному участку г. Одессы, выданное Одесской Городской Управой за № 2509, а также три фотографическая карточки.

В Никополе, как пишет местная газе-

Свидетельство о рождении Осипа Шора (фото и информация о свидетельстве предоставлены Фельдманом О. А.). Находится в Народном литературном музее Остапа Бендера в Санкт-Петербурге

Заявление в институт Осипа Шора

та «Репортер» (со ссылкой на краеведа П. Богуша), проживало семь семейств Шоров, при этом Бенъямин Шор (папа Осипа) входил в состав попечительского совета гимназии. Шоры жертвовали немалые деньги на общественную библиотеку. Последняя из Шоров – медсестра Татьяна – уехала к отцу в Израиль, а незадолго до этого отбыла к родственникам в Кривой Рог (Украина) старейшина рода Шоров – бабушка Роза, которая жила в переулке Глухом.

Семья Шоров, перебравшаяся в Никополь на рубеже 70–80-х годов XIX столетия, была зажиточной: имела в Никополе (на углу нынешних улиц Довгалеvской и Запорожской) первую в городишке паровую мельницу, а в Одессе – лавку колониальных товаров. Когда внезапно от инфаркта в 1901 году умер отец Осипа, мать вторично вышла замуж – за богатого купца Давида Раппопорта – и переехала с детьми в «жемчужину у моря». В Одессе Осип с новой семьей жил в доме №78 на ул. Полтавской битвы, окончил частную мужскую гимназию И. Раппопорта. Судя по оценкам, прототип Остапа Бендера был человеком склада скорее точного, чем гуманитарного (единственная тройка среди тринадцати дисциплин у него была по русскому языку и словесности, а по предмету, изучавшему «законы еврейской веры», Шор имел твердую четверку). Но, заметьте, пятерка по законоведению! Как говорил Остап: «Человек не должен судиться, это пошлое занятие... Вам известно мое уважение к Уголовному кодексу».

Став студентом физико-математического факультета Новороссийского университета, в 1917 году, не имея ни гроша в кармане, семнадцатилетний Осип-Остап сразу после Октябрьского переворота внезапно отправляется в Санкт-Петербург, чтобы собственноручно написать заявление о поступлении в Технологический институт имени императора Николая I на механический факультет.

«Чем не авантюрный роман?»

Какое-то время считалось, что он проучился в петроградском институте год, после чего решил вернуться в Одессу. И якобы путешествие его заняло еще год, и во время этого путешествия с ним

и случались всяческие приключения, о которых он потом рассказывал будущим авторам бессмертных романов. На самом деле, поступив в Технологический институт осенью 1917-го, он уже 11 ноября того же года писал из Одессы прошение в институт, чтобы ему выслали «удостоверение о состоянии моем в институте» и отпускной билет. Следует заметить, как осенью 1917-го, сразу после переворота, работала российская почта. Он писал из Одессы 11-го числа, а уже 30 ноября ему из Петрограда был отправлен ответ!

Сводная сестра Оси Эльза Давыдовна Раппопорт вспоминала, что «в Питере брат сильно заболел. Однажды, стоя перед зеркалом, он поймал себя на мысли: в комнате кто-то есть. Оглянулся – никого. И тогда Осип понял, что не узнает свое отражение. «Еще два часа в этом городе, и я умру», – сказал себе Ося и решил возвращаться домой, к маме, из холодного и голодного Питера.

Но как же то легендарное путешествие? По всей вероятности, оно было, но двумя годами позже. Из документов видно, что в сентябре 1919 года Осип Шор снова побывал в Петербурге.

Путь в родную Одессу занял у него, по разным данным, от 10 месяцев до без малого двух лет. Деньги обесценивались ежедневно, а иногда и по несколько раз в день, поезда почти не ходили, работы не было, а жизнь требовала свое... Не умея толком играть в шахматы, он представляется гроссмейстером. Не держа ни разу в руках кисти, он устраивается художником на пароход, курсирующий с агитационными рейсами по Волге. Осип Беняминович (в миру его чаще величали Остапом Васильевичем), бывший питер-

Памятник Остапу Бендеру в Никополе

Командовать парадом буду я!

ский студент, приходит пожарным инспектором в кефирное заведение застенчивого воришки Альхена. А у знойной и пухленькой женщины, мечты поэта, Осип-Остап прожил целую зиму (а не один день, как Бендер у мадам Грицацуевой), и у него, как и у Бендера, «жизнь была прекрасна, невзирая на недочеты». Вернувшись в Одессу, Ося красочно описал все перипетии своего путешествия друзьям – Ильфу и Петрову. Осип Шор был замечательным рассказчиком, а благодарными слушателями – Илья Ильф и Валентин Катаев, который тут же придумал тему стульев: «Представь себе, в одном из стульев за-

прятаны деньги. Их надо найти. Чем не авантюрный роман?». Но главный герой из регистратора ЗАГСа Воробьянинова не вырисовывался. Как вспоминал позже Петров: «Бендер стал для нас совершенно живым человеком, он стал пролезать почти в каждую главу и мы ничего не могли с ним сделать».

В какой-то момент между Ильфом и Петровым возникла серьезная ссора о том, убивать или не убивать Бендера. Спор этот разрешился просто: «В сахарницу были положены две бумажки, на одной из которых дрожащей рукой был изображен череп и две куриные косточки. Вынул череп и через полчаса великого комбинатора не стало. Он был прирезан бритвой».

«Кто из вас, подлецов, убил моего брата?»

В то время как Бендер говорит: «Нет расчета грабить коллектив, дайте мне индивида побогаче!», плечистый Осип Беньяминович, поднаторев в народной дружине, идет работать в уголовный розыск.

...После революции Одесса изменилась. Город дельцов, предприимчивых биржевых маклеров, ловких жуликов, итальянской оперы, кафе-штантанов, местных остряков, где все вертелось, как на карусели в Дюковском парке, превратилось все вдруг в карусель кровавую. В первые революционные годы власть в городе изменялась четырнадцать раз. Австрийцы, немцы, французы, англичане, петлюровцы, белая армия Деникина, большевики, даже армия какого-то галицийского генерала Секира-Яхонтова. Бывали времена, когда в городе хозяйничали одновременно несколько властей и политических группировок. Так, на Пересыпи обосновались большевики. Территорию от вокзала до Аркадии контролировали гайдамаки и петлюровцы. Центр находился под властью интервентов и белой гвардии. Молдаванкой же владела армия налетчиков Михаила Винницкого, больше известного под кличкой Мишки Япончика. У каждой власти были свои «государственные границы», отмеченные бельевыми веревками с красными флажками, и, само собой, своя валюта. Город задыхался от бандитизма. И тогда одесситы стали объединяться в народные дружины по борьбе с уголовщиной. Наиболее смелым и способным присвоили звание инспекторов уголовного розыска. Одним из них и стал Осип Шор, работавший в отделе по борьбе с бандитизмом.

Журналист Александр Сидоров в своей книге «Великие битвы уголовного мира» писал: «С «красными» у Япончика тоже не сразу сложились отношения. Сначала его здорово потрепал не менее легендарный одесский чекист Осип Шор (с него Ильф и Петров писали Остапа Бендера). В очередной приход «красных» в 1918 году Шор только в течение одной недели устроил три облавы подряд, которые стоили «япончатам» девяти бандитских жизней. В ответ уркаганы устроили покушение на чекиста, но, перепутав, убили его брата – талантливого молодого поэта Анатолия Шора (Фиолетова). Правда, вскоре «красные» вновь оставили Одессу, так что и эта дуэль окончилась для Япончика благополучно».

Шор был блестящим оперативным работником. Бандиты поклялись его убить. Но по ошибке, введенные в заблуждение фамилией, выстрелили в печень брату – Анатолию Фиолетову, который только

что женился и как раз в это время покупал в мебельном магазине двuspальный полосатый матрас... Что же сделал брат убитого поэта Остап? То, что он делал, было невероятно. Он узнал, где скрываются убийцы, и один, в своем широком пиджаке, матросской тельняшке и капитанке на голове, страшный и могучий, вошел в подвал, где скрывались бандиты... И, войдя, положил на стол свое служебное оружие – пистолет маузер с деревянной ручкой. Это был знак того, что он хочет говорить, а не стрелять. Бандиты ответили вежливостью на вежливость...

– Кто из вас, подлецов, убил моего брата? – спросил он.

– Я его пришел по ошибке вместо вас, я здесь новый, и меня спутала фамилия, – ответил один из бандитов.

Легенда гласит, что Остап, никогда в жизни не проливший ни одной слезы, вынул из наружного бокового кармана декоративный платочек и вытер глаза.

– Лучше бы ты, подонок, прострелил мне печень. Ты знаешь, кого ты убил?

– Тогда не знал. А теперь уже имею сведения: известного поэта, друга Птицелова (Эдуарда Багрицкого). И я прошу меня извинить. А если не можете простить, то бери свою пушку, вот тебе моя грудь – и будем квиты.

Всю ночь Остап провел в хавире в гостях у бандитов. Они пили чистый ректификат, читали стихи убитого поэта, плакали и со скрежетом зубов целовались врасос. Это были поминки, короткое перемирие, закончившееся с первыми лучами солнца, вышедшего из моря. Остап спрятал под пиджак свой маузер и беспрепятственно вышел из подвала, с тем, чтобы снова начать борьбу не на жизнь, а на смерть с бандитами».

Бесслаvный конец

Во времена репрессий Шор, работавший в органах НКВД, спас от ареста немало друзей-писателей. Долгое время он скрывал у себя на квартире известного литератора Юрия Олешу. Покинув Одессу, он пережил немало приключений: помогал другу начинать свой директорский путь на Челябинском тракторном, попадал в тюрьму (воз-

можно, именно тогда у него и родилась фраза, приписанная потом Остапу Бендеру: «У меня с советской властью возникли за последний год серьезные разногласия. Она хочет строить социализм, а я не хочу. Мне скучно строить социализм»), затевал дебоши (в том числе и в 1937 г. в кабинете все того же друга, которого хотели упечь в «воронок» как шпиона), отказался от призыва в армию, сославшись на то, что его папа «был турецкоподданный» (знал, что дети иностранных граждан освобождались тогда от воинской повинности!), а с началом войны тщетно решил пробраться в блокадный Ленинград к родственникам. Во время войны у него развилась страшная экзема, которая переросла в рак кожи. В хлебном городе Ташкенте, куда эвакуировалась сестра, Остапа выходили.

Бендер, помнится, хотел переqualificироваться в управдомы. Осип Шор в последние годы своей жизни работал проводником поездов дальнего следования.

– 15 дней ехал на поезде в Ташкент, 15 дней – обратно в Москву, месяц жил у сестры в столице, – рассказывает директор единственного в мире Народного литературного музея Остапа Бендера (расположен под Санкт-Петербургом) Анатолий Котов. – Некогда могучий чекист перенес два инфаркта, ослеп на один глаз...

Считалось, что Шор никогда не давал интервью и, как сказал Котов, всячески отбивался от назойливых журналистов. Однако 22 января 2003 г. в издающемся в Америке журнале «русского зарубежья» «Вестник» появился материал, где журналист Александр Розенбойм описал свою давнишнюю встречу с Осипом Шором. Вот некоторые выдержки из статьи: «Потребовалось немало дней, полных надежд, волнений, сомнений, разочарований и, порою, желания послать этот поиск подальше, чем от Одессы до Москвы, прежде чем состоялся телефонный разговор, во время которого была назначена встреча на Тверском бульваре, и я услышал подкупающий конкретикой вопрос: «А как же я вас опознаю, по газете «Правда» в левой руке?». Уловив иронию, я предупредил, что буду держать коробку папирос старинной одесской марки «Сальве». «Я их не видел уже сорок лет, – прозвучало на другом конце провода, и я позволил себе заверить собеседника, что он сможет их увидеть и даже покурить через сорок минут. «Кто здесь курит папиросы «Сальве» с антеникотинным

мундштуком фабрики братьев Поповых?» – будто цитируя давнишнюю рекламу, произнес кто-то надо мной. Я поднялся со своей уже «насиженной» скамейки и увидел высокого немолодого гражданина с выразительным лицом. Действительно с «медальным профилем», одетого в выдавший виды серый макинтош и сандалии или, как их еще совсем недавно называли в Одессе, сандалеты. Как писали Ильф и Петров о появлении Остапа Бендера в Старгороде, «носков под штиблетами не было».

Это был Осип Беньяминович, в миру Остап Васильевич Шор, брат погибшего еще в 1918 году от пули налетчиков талантливый одесский молодой поэт Натана Шора (придумавшего себе псевдоним Анатолий Фиолетов), завсегдатай «Коллектива поэтов», приятель Эдуарда Багрицкого, Юрия Олеши, Ильи Ильфа, а потом и Евгения Петрова, гимназист, студент физико-математического факультета Новороссийского университета, милиционер при Временном правительстве, красноармеец в 1919 году, рыбак – в 1920-м, снабженец, поклонник Бахуса, на вопрос о том, что он предпочитает пить – вино или водку, неизменно отвечавший: «И пиво!». В середине двадцатых годов он перебрался в Москву, потом работал где-то на Урале, а в годы нашего знакомства тихо жил в крохотной комнатенке вблизи Тверского бульвара и по старости лет уже не появлялся в поле зрения «московских одесситов»...

В тот день мы с ним долго кружили по улицам, куда-то заходили, где-то поднимали заздравную чашу, о чем-то спорили и что-то вспоминали, вернее, вспоминал Остап, а я только старался «нежно» навести его на воспоминания. Он рассказывал о своей родной гимназии Раппопорта на углу Успенской и Александровского проспекта, об университете, из которого хотел перевестись в Петроградский политехнический институт, да «семнадцатый год помешал», вспоминал, как долго не мог смириться с гибелью брата, как «любил Эду Багрицкого и дружил с Юрочкой Олешей, у которого даже поселился в свою первую московскую осень, когда уже неуютно стало ночевать на бульварах». Он спрашивал об Одессе и своем старом милицеевском начальнике, милейшем Илье Вениаминовиче Шерешевском, которого и я знал и любил, говорил об Ильфе и Петрове: «Способные были ребята Илюша и Женя. И ни того нет, ни другого...».

Конечно, я предвзято воспринимал своего собеседника, но и без того было совершенно ясно, что много в Остапе Бендере от Остапа Шора: внешность, манера разговора, неистребимый одесский юмор, разносторонность неглубоких познаний... Но самое главное – живость ума и человечность, которые особенно подчеркнул в образе своего героя несравненный Сергей Юрский в фильме «Золотой теленок»...

*Урна с прахом в колумбарии
Востряковского кладбища*

Были и другие встречи с Шором, но, преодолевая соблазн, я никогда не заговаривал с ним об Остапе Бендере. Дело в том, что, как я знал, после выхода популярных романов Осип Беньяминович, вроде бы, обижался на Ильфа и Петрова, потому как многие узнали его в Остапе Бендере, чему в немалой степени способствовали иллюстрации художника К. Ротова, который хорошо знал Шора и совершенно явственно придал его черты главному герою в иллюстрациях к первому изданию. Но обиды эти были, скорее всего, своего рода литературной игрой. По-моему, он втихомолку даже гордился таким поворотом судьбы...».

Умер Осип Шор в 1978 году, пережив своего литературного тезку почти на полвека. Могила Осипа расположена на Востряковском кладбище в столице России.

*По материалам газет
«АиФ», «КП», «МК», «Сегодня»,
«Новые известия», «Одессика»,
«Вестник» и др.*